

Новые подходы к изучению Великой Отечественной войны в современной германской историографии

М. В. Лукьянчикова

В статье рассматриваются новые исследовательские подходы современных германских русистов Б. Бонвеча, Д. Байрау и Д. Гайера к изучению Великой Отечественной войны. Исследователи, работая в рамках культурной и повседневной истории, обращаются к компаративному анализу эволюции воспоминаний и памяти о войне в Восточной Европе и Германии.

Ключевые слова: германское руссиеведение, современные германские русисты, социальная история, Великая Отечественная война, история памяти, воспоминания, опыт, история повседневности.

New Approaches of Studying the Great Patriotic War in the Modern Russian Studies in Germany

M. V. Lukyanchikova

The new approaches of studying the Great Patriotic War in the works by modern German specialists in Russian and Soviet History B. Bonwetsch, D. Beyrau and D. Geyer are analyzed in the article. The historians, working in culture and every day history, examine the evolution of recollections and memory of the War in Eastern Europe and Germany.

Key words: Russian studies in Germany; modern German specialists in Russian history; social history; The Great Patriotic War; History of memory; recollection; experience; every day history.

О Второй мировой и Великой Отечественной войне написано значительное количество работ как отечественными, так и зарубежными исследователями. Но, несмотря на большое число монографий, статей, мемуаров и публикаций историков многие вопросы остаются нерешенными. Можно обозначить следующие основные дискуссионные проблемы по истории Великой Отечественной войны: кто развязал войну, готовил ли Сталин нападение на Германию, проблема «внезапности» нападения Германии на СССР, причины первых поражений Красной армии, проблема коллаборационизма, потери СССР в войне, цена победы советского народа. На многие из этих вопросов пытаются найти ответы современные германские русисты Б. Бонвеч, Д. Байрау, Д. Гайер, используя при этом новые исследовательские подходы.

Д. Гайер и его ученики (Б. Бонвеч, Д. Байрау, М. Хильдермайер) долгое время работали в рамках социально-исторического подхода, который получил распространение в Германии в 70–80-е гг. XX в. Социальная история предполагает изучение исторических процессов посредством анализа конкретных социальных групп и категорий, их образа жизни, быта и поведения различных слоев общества. В 1990-е гг. в западной исторической науке получили распространение новые исследовательские подходы: на смену социальной истории (которая и сегодня сохраняет популярность) пришли культурная история и история повседневности, гендерная история (в том числе и «женская повседневность»), история памяти и опыта. Этим направлениям присущ междисциплинарный характер, использование приемов и

методов психологии, социологии, этнологии, антропологии, лингвистики и других дисциплин. История повседневности изучает жилье, питание, одежду, быт, поведение и менталитет отдельных людей или социальных групп. Культурная история, в свою очередь, пытается разобрать и истолковать, какие значения имели те или иные действия, с какими символами были связаны отношения между людьми. Менталитеты и образы жизни трактуются ученым не извне, а изнутри самого предмета исследования, изнутри культуры, исследуются дискурсы и идентичности. В 90-е гг. культурная история получила большее развитие в немецкой историографии, чем история повседневности. В последние годы данные исследовательские подходы стали разрабатываться и в отечественной исторической науке, например в работах М. М. Громько, И. Н. Данилевского, М. М. Крома. Что касается истории повседневности, то в российском варианте она является продолжением социальной истории, в Германии же история повседневности и социальная история находятся в конфликте [3].

Таким образом, сегодняшнее понимание войны как исторического феномена значительно отличается от данного еще в 1827 г. Карлом фон Клаузевицем, согласно которому война понимается как военные операции, бои и битвы, стратегии и тактики. Современная историография занимается не только внешней и внутренней политикой, но и историей общества, экономики и техники, культурной историей, историей менталитетов и повседневности в военное время. Рассмотрим, как применяются данные подходы современными германскими русистами.

В своих работах Б. Бонвеч рассматривает различные вопросы истории войны – ход военных событий, партизанское движение, сталинские репрессии в армии, причины поражений СССР в начале войны, положение советских военнопленных и восточный рабочих. В последние годы исследователь обратился к понятиям «память» и «воспоминания» о Великой Отечественной войне в Германии и России. Эти исследования стоят на пересечении культурной истории и «истории пережитого» (Erfahrungsgeschichte) и отражают возросшее на Западе значение «памяти» в историографии. Именно истории памяти о войне в рамках компаративного исследования посвящены последние работы Б. Бонвеча [6; 7; 5; 1; 2].

В нескольких статьях историк рассматривает воспоминания о Великой Отечественной войне в СССР и различает этапы политического толкования войны после 1945 г., отмечает особенно заметное распространение официально-пропагандистской памяти о войне с середины 60-х гг. Исследователь одновременно указывает на неоднородность и разногласия в воспоминаниях, особенно на конфликт между официальной историографией в изображении войны, с одной стороны, и личными воспоминаниями – с другой, что с приходом перестройки стало открыто обсуждаться. Появившееся сегодня многообразие позиций в толковании войны автор считает процессом нормализации, который приближает официальную трактовку войны к индивидуальным воспоминаниям. Индивидуальная и общественная память имеют общий объект, методы, структуру, но они не идентичны. Как отмечает Б. Бонвеч, особенно обе эти памяти «расходятся» в СССР, так как государство до середины 80-х гг. имело монополию на общественные воспоминания и использовало ее для создания «необходимого образа прошлого», который оправдывал бы действия государства [6, с. 147].

Историк выделяет четыре фазы развития этих воспоминаний и подробно останавливается на каждой из них:

1. Общественное молчание с конца войны до смерти Сталина 1953 г.
2. Воспоминания о войне как часть десталинизации в период «оттепели» после смерти Сталина до отставки Хрущева в 1964 г.
3. Воспоминания о войне как культе героев – начало правления Брежнева до начала перестройки в середине 80-х гг.
4. Начало «нормализации» воспоминаний о войне с перестройкой [5, с. 20–21].

Анализируя эволюцию личной и коллективной памяти, Бонвеч приходит к выводу, что в об-

щественном сознании России возник образ «другой войны». В этом изображении появились противоречивые точки зрения; даже такая запретная тема советских планов нападения и превентивной войны против Германии летом 1941 г. стала серьезно и широко обсуждаться. Многие до сих пор находятся в поисках «своей войны», и историк выражает надежду, что когда-нибудь личные воспоминания о войне, которые в СССР никогда не были идентичны коллективным, найдут себя в общественной памяти.

В одной из статей Б. Бонвеч анализирует воспоминания о Сталинградской битве в Германии и России [2]. Для немцев и для советского населения Сталинград как символ имел различное значение. «Сталинград стал чем-то особенным в сознании как современников, так и последующих поколений, поскольку он предопределил в принципе исход войны: после катастрофических поражений и больших жертв все же достигнутая победа СССР и после головокружительных успехов в начале войны поражение Германии», – отмечает историк [2, с. 50]. «Сталинградцы сохранили в памяти воздушные налеты, которые превратили город в груды развалин еще до боев за дома, жестокий обстрел мирных жителей сначала в городе, а потом в ходе их бегства через Волгу, насильственную мобилизацию на принудительные работы, город в руинах и как поле боя, в котором под конец осталось лишь несколько тысяч мирных жителей, но все жертвы в конечном счете смягчаются в воспоминаниях сознанием одержанной победы.

Немцы, и особенно немецкие участники боев, в своих воспоминаниях, наоборот, находятся под впечатлением от поражения, и поэтому в их воспоминаниях о Сталинграде запечатлелись смерть от голода и холода, чувство отчаяния и плен – позиция не преступников, а жертв. Сталинград действительно стал для немцев символом – военной неудачи на Востоке, заносчивости национал-социалистического руководства, несостоятельности военных и бессмысленности так называемой героической смерти, которая была лишь обычной смертью людей», – пишет Б. Бонвеч [2, с. 51].

В результате можно обозначить основные выводы исследователя: российская культура памяти не идентична немецкой – фундаментальное отличие между побежденными и победителями определяет формы памяти; в настоящее время в России стала заметной почти естественная идентификация памяти о войне с советской историей при Сталине в целом и с советским видением войны в особенности; критическое освещение

прошлого в России стало очень спокойным (автор имеет в виду не специальные исторические исследования, а коллективную память). Все это показывает, как отмечает историк, насколько далеко реальность и публичная память все еще отстоят друг от друга. По мнению Бонвеча, сегодня вновь государство, а не общественность определяет направленность военных воспоминаний – оно стимулирует сохранение памяти о войне почти исключительно как памяти о победе. «Если мы, немцы, находим героико-патетическую окраску воспоминаний о войне немного чуждой и спрашиваем себя, например, где память тех и о тех, кто безвинно страдал в СССР, или где воспоминания о 18 млн жертв среди гражданского населения, – то надо четко представлять себе, что немецкая точка зрения на войну, разумеется, отличается от взгляда победителей в целом, а не только от русских представлений», – заключает историк [1, с. 18]. Выводы Б. Бонвеча понятны, но создается впечатление, что исследователь «обвиняет» жителей России в том, что они празднуют победу, а не оплакивают погибших. Хочется возразить историку, ведь празднование Дня победы не приуменьшает значения всех жертв и не перечеркивает вопрос о цене победы, которая, как поется в известной песне, «со слезами на глазах». Вопросы о жертвах, потерях, репрессиях ставятся сегодня не только в исторической литературе, они проникли в умы людей. И сегодня как в коллективной, так и в личной памяти идет процесс осознания той цены, которой стоила та «победа любой ценой» советскому народу.

Другой немецкий историк Д. Гайера также обратился к теме воспоминаний о войне. В 1995 г. в журнале «Восточная Европа» появилась его статья «Тяготы и воспоминания. Центральная и Восточная Европа через 50 лет после немецкой капитуляции» [8]. Автор обращается к проблемам коллективной памяти и воспоминаний о войне в странах Центральной и Восточной Европы через 50 лет после ее окончания, сравнивает этот опыт, его трансформацию и отношение к войне в разных странах на постсоветском пространстве. Д. Гайер отмечает, что культуры памяти, которые возникли после 1945 г., во время перестройки пришли в движение и стали изменяться, а объединение Германии, распад СССР послужили поводом для того, чтобы упорядочить эту память по-новому и проверить воспоминания [8, с. 395–396]. В такое время патриотизм населения падает и, как пишет историк, воспоминания о Великой Отечественной войне должны

согревать сердца, с этой целью московские власти пытаются использовать символическую силу Дня победы и воспоминаний о войне как идеологическую связь распавшегося на атомы общества. Из бывших советских республик Прибалтийские государства, без сомнения, наиболее далеки от Дня победы и традиций Великой Отечественной войны, отмечает историк, «историческая культура балтийских народов имеет свои собственные национальные праздники и описывает возвращение Красной армии осенью 1944 г. как “третью оккупацию” (после советской в 1940 и немецкой в следующем году); правительство Ельцина не проявляет особой энергии, чтобы избавиться от глубоко сидящего комплекса страха прежде всего в Эстонии и Латвии» [8, с. 404–407]. Что касается Белоруссии и Украины, исследователь указывает на близость их воспоминаний, памяти и традиций к русским, на то, что эти страны еще не создали собственной национальной исторической культуры с широким общественным фундаментом, и, несмотря на различные национальные движения, понимание истории остается преимущественно советским [8, с. 405].

Интерес другого немецкого специалиста по истории России Д. Байрау к военной тематике в последние годы был вызван совместной работой Тюбингенского института с Особым исследовательским центром 437 «Опыт войны. Война и общество в Новое время». В центре внимания исследователей – действия, восприятие и размышления людей, являвшихся участниками или наблюдателями во время войны. Как и Б. Бонвеч, Д. Байрау обратился к культурой и повседневной истории, в рамках которой он трактует военный опыт. В одном из сборников Д. Байрау рассматривает понятие «тотальная война» [4]. Историк отмечает ее основные признаки и на примере Великой Отечественной войны пытается показать взаимосвязь между типом войны и опытом. Под «опытом» при этом понимаются разговоры о войне, рассказы, воспоминания, дискурсы участников войны и последующих поколений. В историографии, как отмечает историк, Вторую мировую войну считают образцом тотальной войны, для которой характерна тотальная мобилизация всех ресурсов, тотальный контроль и тотальные методы ведения военных действий, размывание границ между войной и миром, между гражданским населением и вооруженными солдатами. Анализируя Великую Отечественную войну, историк находит признаки, которые были характерны как для тотальной войны, так и для тради-

ционной с первостепенной военной целью – уничтожить армию врага, повысить престиж и расширить зоны влияния. Таким образом, на вопрос о тотальности Великой Отечественной войны однозначно ответить нельзя, все зависит от того, что считать критериями тотальности.

Обращаясь к опыту войны, Д. Байрау выделяет несколько групп, у которых формировались различные представления о войне. Это красноармейцы, партизаны, те, чей опыт нельзя было представлять общественности: заключенные советских исправительных лагерей, евреи, пережившие гетто и лагеря, советские военнопленные и принудительные работники. Судьбы последних долгое время оставались табуированной темой, и люди не могли идентифицировать себя с собственным опытом. Эти группы, по мнению историка, создала не только тотальная война, но и структура сталинского режима. В Советском союзе, пишет историк, можно говорить о привилегированном и дискриминированном опыте, так как опыт, создающий идентичность, мог появиться только в общественных или частных дискурсах [4, с. 346], которые существовали в СССР не для всех, кого затронула война. Таким образом, существующие дискурсы указывают на многообразии опыта, который представляет собой сравнительно стабильную, но в то же время плюралистическую репродукцию воспоминаний и трактовок войны, а также на живучесть табу. В заключение историк приводит картину эволюции Советского коллективного опыта войны, что во многом перекликается с выводами по этому вопросу – о коллективной и личной памяти о войне, сделанными Б. Бонвечем. Подводя итоги, историк пишет: «Военные воспоминания и их дискурсы в течение десятилетий отделились от настоящей войны, во времена позднего СССР они были включены в культурную память населения. Военный опыт сформировался под воздействием аспектов тотальной войны, которой подверглось советское население, а также под воздействием позиций групп – носителей опыта, в тоталитарном, а после авторитарном обществе» [4, с. 352].

Таким образом, в конце 1990-х гг. германские исследователи Б. Бонвеч, Д. Байрау, Д. Гайер обратились к истории памяти и пережитого на примере Великой Отечественной войны показали, как менялись эти представления в зависимости от времени, власти, страны и от того, кто являлся носителем этих воспоминаний.

Библиографический список

1. Бонвеч, Б. Вторая мировая война в национальной памяти Германии и России [Текст] / Б. Бонвеч //

Послевоенная история Германии: российско-немецкий опыт и перспективы: материалы конференции российских и немецких историков (Москва, 28–30 октября 2005 г.): сб. ст. / Б. Бонвеч, А. Ю. Ватлин. – М. : ДиректМедиа Паблишинг, 2007. – С. 8–24.

2. Бонвеч, Б. Сталинград. История и воспоминание [Текст] // Б. Бонвеч, С. И. Посохов и др. Эпоха. Культуры. Люди. История повседневности Германии и Советского Союза. 1920–1950-е годы. – Харьков, 2004. – С. 48–58.

3. Обертрайс, Ю. Введение [Текст] // Эпоха. Культуры. Люди. История повседневности Германии и Советского Союза. 1920–1950-е годы / Б. Бонвеч, С. И. Посохов и др. (Изд.). – Харьков, 2004. – С. 3–23.

4. Beyrau D. Totaler Krieg. Begriff und Erfahrung am sowjetischen Beispiel / Dietrich Beyrau/Michael Hochgeschwender / Dieter Langewiesche (Hg.), Formen des Krieges. Von der Antike bis zur Gegenwart, Paderborn, 2007, S. 327–353.

5. Bonwetsch B. Der „Große Vaterländische Krieg“. Kriegsgeschehen und Kriegserinnerung // In: Andrea Gotzes. Krieg und Vernichtung 1941–1945. Sowjetische Zeitzeugen erinnern sich. Darmstadt 2006, S. 13–30.

6. Bonwetsch B. „Ich habe an einem völlig anderen Krieg teilgenommen“ Die Erinnerungen an den „Großen Vaterländischen Krieg“ in der Sowjetunion // Krieg und Erinnerung. Fallstudien zum 19. Und 20. Jahrhundert / hrsg. von Helmut Berding u. a. – Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 2000. S. 145–170.

7. Bonwetsch B. Stalingrad // Spuren – Sledy. Stiftung Haus der Geschichte der Bundesrepublik Deutschland (Hg.). Bonn, 2003. S. 86–95.

8. Geyer D. Erblasten und Erinnerungen. Mittel und Osteuropa fünfzig Jahre nach der deutschen Kapitulation // Osteuropa 45, 1995. S. 395–409.